

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №8 2026 ГАЗЕТА

«Отсюда начинается Россия...»

ГЕРАСЕНКО АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась в г. Оленегорске Мурманской области. Окончила Санкт-Петербургскую академию культуры. С 1989 года работает в библиотеках Североморска. Член Союза писателей России, автор девяти книг «Заполярная дорога» и «За минувшие сутки в Ваенге». В 2023 году вошла в число победителей всероссийского конкурса лучших рассказов в народный альманах «Незабытые истории Победы». Лауреат конкурса им. М. В. Исаковского «Связь поколений» (2023). В 2024 году вошла в число финалистов конкурса имени Андрея Платонова «Умное сердце». В 2025 году — в короткий список фестиваля «Капитан Грей».

БЛИНОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ (род. 1940 г.)

Мурманский прозаик, публицист. Потомственный моряк и писатель, сын Н. Н. Блинова, судового механика, автора нескольких повестей о жизни рыбаков, и А. С. Хрусталева, первой женщины судового механика в СССР, писательницы. Работал электромехаником на судах «Севрыбхолодфлота», которому отдал сорок лет профессиональной жизни — со дня основания флота в 1965 году и до последнего его дня. Творчество его связано, в первую очередь, с личной и трудовой биографией, повести и рассказы воссоздают в ретроспективе несколько исторических эпох Советской России, жизненный опыт самого писателя-моряка, чья судьба была связана с Мурманском.

ВИНОГРАДОВ ИЛЬЯ ЛЕОНИДОВИЧ (род. 1978 г.)

Мурманчанин, окончил физико-математический факультет Мурманского педуниверситета, экономический факультет Санкт-Петербургской академии управления и экономики. Журналист. Автор десяти сборников прозы, публицистики, стихов, переводов: «Невидимые диктаторы» (2011), «Сокровища бедных» (2013), «Русский ген печали» (2016). Стихи переведены на болгарский, норвежский, испанский, якутский языки. Работал в кинематографе. Лауреат Каверинского литературного конкурса, Всероссийского форума им. Гумилева «Осиянное слово», Международного фестиваля «Муза Новороссии». Руководитель оргкомитета форума-фестиваля «Капитан Грэй». Один из организаторов Международного славянского хода Мурман-Балканы (2018).

ГУТЯН ЮРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ (род. 1962 г.)

Прозаик, член Союза писателей России, подполковник запаса. Родился в г. Антрацит Луганской области. Выпускник Калининского Суворовского военного училища и Ворошиловградского высшего военного авиационного училища штурманов имени Пролетариата Донбасса. Службу проходил в ВВС Дважды Краснознаменного Балтийского флота. В 1987–1988 годах исполнял интернациональный долг в республике Афганистан, участник боевых действий. С 1994 по 2009 год служил на тяжёлом авианесущем крейсере «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». Участник пяти дальних морских походов. Кавалер двух орденов Красной Звезды, Медали Нестерова, медали «Патриот России», ордена «Звезда» Республики Афганистан и др. Автор книг «Боевой режим», «Алихейль. «Боевые» глазами авианаводчика».

ИЩЕНКО ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ (род. 1971 г.)

Родился в г. Апатиты. Работал журналистом в газетах, на телевидении. Автор документальных фильмов и художественных книг. Лауреат и призер российских и международных телевизионных, кинематографических и литературных конкурсов. Произведения публиковались в журналах «Октябрь», «Дружба народов», в издательстве «КомпасГид» и др. В 2025 году стал Лауреатом Премии Правительства РФ в области детской и подростковой литературы за повесть «Неудачники — команда мечты» (М., КомпасГид).

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2026
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2026 №8 /1997/ Основана в 1927 г.

«Отсюда начинается Россия...»

Проза мурманских писателей

Литература у края моря

Какая она, заполярная мурманская литература? Морская, пронизанная стылыми сырыми ветрами и соленым запахом моря. Традицию, заложенную приехавшими сюда Валентином Пикулем и Валерианом Каверинным, продолжили уже по-настоящему мурманские авторы: капитан и полярник Борис Романов, полярник и помор, великий подвижник славянского движения Виталий Маслов, представители династии Блиновых.

Но все же не только морем единым. Эпическое полотно о первых годах советской власти «Перелом» создает Николай Скромный. Дмитрий Коржов знакомит нас с историей края в трилогии «Мурманцы», а в завершении творческого и жизненного пути в романе «Полюшко-поле» через судьбу удивительного человека — композитора, белогвардейца и советского разведчика Льва Книппера — погружает в эпохи Гражданской и Великой Отечественной войн. Глубоко и реалистично рассказывает о «горячих точках» профессиональный военный Юрий Гутян. Прекрасный прозаик и поэт Александр Рыжов помимо традиционного реализма успешно осваивает и другие жанры, выпуская в крупнейших издательствах страны под псевдонимом Александр Руж биографические, исторические, приключенческие, детективные книги.

Впервые представленный под одной обложкой в ведущем российском литературном журнале широкий полноценный срез мурманской литературы — прекрасная возможность познакомиться с первым рядом заполярных прозаиков второй половины XX — начала XXI века.

Илья ВИНОГРАДОВ,
председатель Мурманского отделения Союза писателей России.

Составитель И. Л. Виноградов.

Анастасия Герасенко

ЧУДО

Лошадка была красная, а олень — жёлтый. Куски пластилина согрелись в папиных ладонях, и папа быстрыми, точными движениями творил одно из первых чудес моей жизни.

Лёгкими штрихами папа рисует на листке кошку. Ах, какие это были кошки! Изыщные, таинственные, хищные... Увидев потом мультик про Маугли, я с первых кадров узнала в Багире одну из папиных кошек.

Или вот — лодка. Настоящая подводная лодка, вырезанная из куска дерева, утяжеленная свинцовой вкладкой, которая позволяла ей погружаться. И лодка опускалась в тёплые воды эмалированной ванны, и начиналась охота на диковинных пластмассовых рыб.

Над волнами скользил испанский галеон. С тонкой мачтой, с нарисованными окошками в высоких бортах, сияющий светлым лаком. Вместе с кораблем скользили мечты в далекие-далекие страны, по морям, по волнам, к неведомым землям и невиданным приключениям.

Куда уплыла подводная лодка в потоке времени, теперь уже и не вспомнить. А галеон жив. Встал на вечную стоянку на книжной полке среди таких же маленьких вещиц — маячков памяти.

Проходят хороводом олень, лошадка, лодка да корабль, красавицы кошки — добрые чудеса самого раннего детства, когда посчастливилось увидеть, как в руках рождается красота.

Папа, нарисуй мне, пожалуйста, кошку.

КОСТЕР НА СОПКЕ

Сопки были совсем белые. Злой северный ветер всё гнал и гнал снежные заряды, шурша по оконным стёклам, стибая и дёргая рябины и покрывая молодую июньскую зелень ледяным пологом.

«Холодное нынче лето, — пожилая женщина вздохнула и привычным жестом поправила кухонную занавеску, — пропали праздничные шашлыки и прогулки на природе». Впрочем, теперь ей уже совсем не хотелось мерить ноющими артрозными ногами верховое болото, тащить тяжелеющие пакеты и потом стирать перепачканную ягодами и торфом одежду. Гораздо лучше прилечь на диван и открыть новую книгу. Вот только очки давно пора купить, чтобы расплывающиеся строки не отравляли радость от чтения.

В тот год лето тоже было холодным. Но какое это имело значение! Ледяной и чистый воздух был вкусным, словно вода из хорошего колодца. Грела горячая кровь, быстро бегущая по сосудам, еще не утратившим эластичность. Грело счастье при взгляде на молодого мужа. Они были молодые, веселые, часто голодные, но не сомневались, что всё лучшее впереди.

Идея сорваться вдвоём в сопки после долгого рабочего дня, посреди трудовой недели показалась совершенно естественной. Маленький костерок быстро разгорелся в круге из кусков серого гранита. Цветущий вереск чуть шевелился в такт порывам холодного ветра. Карликовые березки с крохотными листьями-монетками, вороника, белые шарики пушицы, сплетаясь, пёстрым пружинящим ковром растсталились вдаль по вершине.

Обжаренные на огне сосиски были невероятно вкусными, водка бодрящей и правильной, а поцелуи — сладкими. Что-то затрещало ниже по склону. С коротким вскриком пролетела сорока. И снова тишина да посвист ветерка, пахнущего морем и вереском.

Расщелина, укрытая среди плоских валунов каменного взлобья, которое подобно острову поднималось из болота, сейчас казалась самым уютным и безопасным местом на свете. Невдалеке горбили покрытые лишайниками спины ещё несколько каменных возвышенностей. Архипелаг в зелёном море.

Ближе к ночи начал напоздать туман. Он стелился длинными полосами, похожими на покрывала неведомых лесных фей, закручивался возле невысоких кривеньких ёлочек.

Молодая женщина смотрела на колеблющееся пламя, и ей казалось, что они плывут во времени вместе со своим каменным островом. И уже не понять, какая сейчас эпоха. Словно тени бесчисленных мужчин и женщин также сидели рядом и смотрели на языки костра, одни среди тундры, среди мелкого серенького дождя, морозящего со светлого летнего неба.

Туман всё плыл и плыл, милосердно скрывая завтрашний день.

ЗА МИНУВШИЕ СУТКИ В ВАЕНГЕ

Дверь тихо закрылась. Дежурный привычным жестом одёрнул китель, присел к столу, поправил ряд остро заточенных карандашей, лежащих справа от журнала, посмотрел на молчащий пока телефон. Чёрная эбонитовая трубка замерла, словно отдыхая в краткие моменты покоя.

Он перевел взгляд на вечный перекидной календарь, в металлическом корпусе которого отражался свет настольной лампы, и выставил наступившую дату. 18. Июль. Суббота.

* * *

Светла летняя ночь в Заполярье и оттого кажется ещё короче. Неутомимое солнце ползёт и ползёт по небу, безжалостно освещая землю, выставляет напоказ чужому, вражескому взгляду дома и землянки, самолёты на аэродромах, корабли в море.

Но, как ни коротки июльские ночи, а успеть надо многое. Тяжёлая военная работа не останавливается ни на минуту.

Зарядная аккумуляторная станция, так же как многие и многие части и соединения Северного фло-

та, разбросанные сейчас от Белого моря до Баренцева, жила в привычном ритме, выработанном ко второму году войны. Старший лейтенант Алексей Родионович Родионов выполнял обязанности дежурного по станции в строгом соответствии с требованиями инструкций. Убедиться, что краснофлотцы проверили уровень электролита, долили недостающий, напомнить старшине, чтобы температура была в пределах нормы, не допуская закипания кислоты.

Толстые жилы проводов тянутся от зарядных устройств к ящикам с аккумуляторами, чуть шевелятся стрелки на приборах. Мерное гудение вентиляторов, постоянно охлаждающих воздух, наполняет помещение.

Худой, долговязый Родионов смотрел, как матросы переносят тяжёлые ящики, уже готовые для отправки на склад, и жалел, что не может присоединиться к простой мускульной работе, заглушающей напряжением круговерть мыслей. Он не обращал внимания на ноющую боль в спине, которая острыми ударами отдавалась куда-то под сердце и выше, в голову. Больно было от другого.

После госпиталя ему — моряку, подводнику, боевому офицеру так и не удалось вернуться в подплав. Врачебная комиссия упёрлась рогом. Состояние здоровья не позволяет переносить повышенное давление, неизбежное при погружении. До полного восстановления к службе годен ограниченно.

Теперь товарищи уходят от пирсов на задания, а он застрял здесь в Ваенге и занимается аккумуляторами для подводных лодок. Угловатое, тёмное, точно опалённое лицо старшего лейтенанта мрачнело ещё больше, когда он думал об этом: «Три рапорта было, будет и четвёртый. И пятый, если надо».

Алексей Родионович понимал, конечно, что его работа не просто нужна, необходима. Порой, после очередной сводки новостей от советского Информбюро, ему казалось, что он заряжает аккумуляторы своей злостью. Зато, когда становилось известно о новой победе подводников, чувство пусть малой причастности чуть-чуть смягчало горечь от вынужденного нахождения на берегу.

«Не подвели наши батарейки, не подвели. И для лунинской «Катюши» мы готовили», — известие о том, что подводная лодка «К-21» под командованием капитана третьего ранга Лунина торпедировала фашистский линкор «Тирпиц», две недели назад облетела флот.

«Батарейки — это хорошо, это правильно, но их и мальчишка подготовит, матрос справится, а мне надо туда, надо в море». — Старший лейтенант Родионов привычным жестом прикоснулся к нагрудному карману, сквозь ткань которого можно было почувствовать жёсткий картон двух фотокарточек. Он помнил до мелочей изображение на маленьких снимках, заботливо приклеенных на картонные прямоугольнички. Смоленский дворик, под старой грушей — небольшая группа: жена, дочка, тесть с тещей, отец. На второй — младший сын, напряженно и испуганно смотрит в объектив. На обороте надпись карандашом: «Смоленск. Апрель, 1941 г.».

«Мне очень надо в море». — Алексей Родионович проверил показания приборов согласно регламенту и внёс данные в журнал. По настенным часам сверил время — четыре часа десять минут.

* * *

За два часа до описанных событий водитель медико-санитарного отряда Тимофей Порфирьевич Иванов, не торопясь, вошёл на территорию служебного гаража, привычно отозвался на окрик часового и направился к своей машине, которая замерла под деревянным навесом.

Ночь стояла светлая, словно и не ночь, а белый день, хоть совсем не ложись. Дождя не было, и Тимофей Порфирьевич решил вовсе не спать, а заняться основательно и не отвлекаясь барахлящим двигателем.

Днём лишней минуты не было. Отряд, в котором было четыре десятка санитарных машин и даже три катера, всего месяц как прибыл в Ваенгу и сразу включился в работу. Хватало её, медицинской работы, и раненых хватало. Машины же в отряде были разные, некоторые с завода, а какие, этих, кстати, было большинство, немало походившие по мирным и военным дорогам.

Тимофей Иванов ремесло своё водительское знал хорошо, автомобиль берёт, холил и не мог допустить, чтобы зловредная неисправность, возникшая после попадания пули в капот, мешала делу.

Он внимательно, без суеты осматривал детали «движка», что-то подкручивал, что-то заменял, мысли при этом текли своим чередом. Привычная работа не мешала немолодому уже водителю думать о своём. Тревожила племянка Варвара. С тех пор, как её уха-жёр, матрос с «Сокрушительного», пропал при гибели эсминца, сникла девочка. И знакомы-то были всего ничего, а она совсем себя извела. Как бы не разболелась.

Родом Тимофей Порфирьевич был из Оренбургской губернии, в Мурманск перебрался ещё в тридцатые годы. Приехал на заработки. А вот сестрёнка младшая осталась в родных краях, замуж вышла, детей — трое по лавкам. Да беда не по лесу ходит, а по людям. Муж умер, дети — остались, и каждого накормить надо.

Помогал он сестре, чем мог, денег посылал. Когда она снова замуж собралась, выписал к себе старшую племянницу. В Мурманске всё же легче найти работу, чем в глухом селе. Своей семьёй Тимофей Иванов так и не обзавёлся, не сложилось, и прикипел к Варваре, как к родной дочери. Гордился, что девчонка умная, смышлёная, семь классов окончила. Только худая вся, прозрачная, словно снятое молоко.

Воробышек воробышком, а как только объявили о начале войны, сразу пришла Варюшка в военкомат, на фронт проситься. Направили работать в штурманские мастерские.

«Это хорошо, что в мастерские. Корабельные приборы чинить — дело важное и нужное. Самое подходящее дело для смышлёных воробышков».

Поначалу Тимофея Порфирьевича сильно тревожило, как Варвара будет одна в Ваенге. Где жильё

выделят, как довольствием обеспечат. Но вот теперь рядом работать довелось. Сейчас и присмотреть проще за Варварушкой, подкормить лишний раз, пайком поделиться, а если что, не дай бог, с лечением помочь.

«Ну, вроде всё. — Шофёр внимательно оглядел двигатель. — Можно и запускать». Он захлопнул капот, тщательно вытер руки промасленной ветошью, пригладил рыжевато-седые усы и забрался в кабину. Мотор «ГАЗа-55» чихнул пару раз и заработал. Порядок.

Пора было выезжать. Путёвку Тимофей Порфирьевич получил ещё вечером. Согласно ей, следовать надо было в госпиталь в Губу Грязную.

Проезжая в предутренний час по немногочисленным, по пальцам перечесть, улицам Нижней Ваенги, он внимательно посматривал на редких прохожих. Доктор Зоя Леонидовна из госпиталя жила здесь, в поселке, и частенько добиралась до места работы пешком или на попутках.

А это не дело. Вначале человек пешком отшагает пять вёрст, а потом ему людей лечить, а вдруг — резать. Вот и она. Идёт вдоль подъема к Верхней Ваенге и передохнуть не остановится, себя не жалеет. То же — воробышек.

Водитель притормозил, обратился уважительно:

— Садитесь, товарищ доктор, на машине оно удобнее. И быстрее будет, чем пешком-то.

— Здравствуйте, Тимофей Порфирьевич! Как хорошо, что я вас встретила. Мне и в самом деле сегодня надо быстрее быть в госпитале.

Машина тронулась и, медленно набирая ход, покатила к вершине сопки, на которой выстроились двухэтажные деревянные дома, возведённые незадолго до войны.

Отсюда, с высоты, хорошо были видны и причалы, построенные в тридцать пятом году, и первые каменные дома Нижней Ваенги, и группы бараков и землянок на краю будущей Ваенги Средней. Не разглядеть только Ваенгу-1, притаившуюся дальше на восток. Но о том, что там живёт и сражается первый сухопутный аэродром Северного флота, легко можно догадаться по гулу взлетающих самолётов и по тому ожесточению, с которым самолёты фашистские стремились этот аэродром уничтожить.

* * *

Зоя Леонидовна с облегчением откинулась на спинку сиденья: «Хорошо, что сегодня попалась попутка». Пожилой шофёр санитарной машины с уважением относился к молодому доктору, а, быть может, просто жалел худенькую, уставшую женщину.

В кабине пахло бензином и неистребимым везделивым ароматом карболки. Клонило в сон. Но «ГАЗ», трясясь и подпрыгивая на булыжной мостовой, не давал провалиться в тревожную дремоту. И мысли, беспокойные и неотвязные, всё кружились и кружились вокруг одной точки. Сын. Сашенька.

В военном гарнизоне ребят почти не было. Из прифронтовой полосы семьи и детей эвакуировали ещё летом сорок первого. Однако Сашуля разболелся, и родители не решились отправить его в долгую

поездку под присмотром чужих людей. Он вообще был слабеньким, часто хворал, умудряясь то подхватить ангину летом, то дизентерию зимой.

«Наверное, я — плохой врач или плохая мать, раз не могу поставить на ноги собственного сына. Прошлым августом ещё можно было вывезти Сашку подальше отсюда. Мы ведь даже хотели отправить его к маме». — Женщина почувствовала, как захолонуло сердце. Мысль о матери, с горьким привкусом беды, всё время пряталась где-то на краешке сознания, и Зоя старалась вспоминать светлые довоенные картинки, забывая, придавливая ими этот привкус. Вот пляж в Лахте, туда по железной дороге ездили купаться. Летний сад. Мама чинно ведёт её по дорожкам и объясняет, что символизируют белые статуи на высоких каменных постаментах. Вот крейсер «Аврора», весь заиндевелый, замерший около моста, рядом с которым мама рассказывает о Великой Октябрьской революции. «А теперь Сашуля сидит один дома, а я не знаю, что с ним будет к тому времени, когда я вернусь с работы... Уймись, дурища, — одёрнула себя Зоя Леонидовна. — Дом каменный, в подвале — бомбоубежище, а Санька в свои восемь лет — мальчик смыслённый. Не зря же каждый день повторяем, куда бежать при налёте. Да и... — приплыла безжалостная мысль, — если дом разбомбят, ты не успеешь ничем помочь, даже если будешь работать в Ваенге. А лазарет там укомплектован».

Чёрный дым пожаров поднимался над Мурманском всё лето, когда город вновь и вновь бомбили фашисты. Зоя Леонидовна не раз бывала в мурманском госпитале по делам службы, и вид обугленного города впечатывался в душу, наполняя её жгучей жалостью и гневом.

От бомбоубежища мысли перетекли к штурманским мастерским и племяннице Тимофея Порфирьевича. Водитель был немногословен, с людьми близко не сходил, но однажды, подвозя доктора до госпиталя, с тихой гордостью поделился, какая умница у него Варвара. И работает исправно, и жених у неё на «Сокрушительном».

«Был на “Сокрушительном”. Был», — супруг Зои Леонидовны служил на эсминце «Гремящем», и она, как тысячи жён моряков, с болью и надеждой ждала малейшей новости с моря. Корпус «Сокрушительного» разломало штормовыми волнами ноябрьским днём сорок второго года. Молодая женщина всей душой сочувствовала незнакомой девушке, которая так и не дождалась жениха из похода.

Санитарная машина давно уже свернула в направлении Мурманска, пересекла по мосту речку и начала, натужно рыча, взбираться вверх по склону. Справа показались и исчезли маленькие домики военной части, а чуть позже впереди возникли горы и открылся вид на губу Грязная, морской аэродром и населённый пункт, на широкую всхолмленную долину, густо поросшую лесом.

За три месяца, после того как военный госпиталь начал свою работу в здании бывшей грязногубской школы, Зоя не раз видела этот пейзаж, который вдруг открывался с южного края плоской вершины

сопки. И каждый раз любовалась. Эта красота, такая незыблемая, далёкая от войны, была словно глоток чистой воды среди усталости и тревог.

А ещё это был порог. Пока длился спуск, привычные неотвязные страхи не то чтобы покидали доктора, но съёживались, прятались в уголке сознания, уступая место чётким и взвешенным мыслям о предстоящем рабочем дне.

«Семёнова на операцию первым. Старшину с тральщика готовить к ампутации. Почему мокнут швы? Проверить качество повязки, поговорить со старшей сестрой, у них много новеньких. Двоих из третьей палаты после обеда — в Мурманск. Если от туда не придёт машина, повезём сами. Впрочем, Ольга Ахтовна — работник ответственный, задержки быть не должно».

Санитарный «ГАЗ-55» свернул на боковую дорогу и покатил по длинной прямой улице, справа от которой стояло несколько довоенных кирпичных домов в четыре этажа, а справа выстроились деревянные бараки и землянки. Машина притормозила между двумя зданиями, фасады которых были украшены маленькими каменными балконами, кое-где обвалившимися после бомбёжек.

— Приехали, товарищ доктор. Отдохнули маленько? Не растрясло?

— Отлично отдохнула, Тимофей Порфирьевич. Спасибо вам большое! Доброго пути!

Военный хирург Зоя Леонидовна Никифорова повернулась и пошла по дорожке к бывшей начальной школе, стоящей рядом с Домом офицеров. Два месяца спустя, в сентябре, госпиталь в губе Грязная подвергнется очередной бомбардировке, и четыре бомбы попадут в здание.

* * *

Катится и катится нежаркое солнце по летнему северному небу. Полярным днём, если делать нечего, можно сутки просидеть, наблюдая, как солнце идёт по кругу, ни разу не спускаясь за горизонт.

А на земле уже всюю кипела работа. Трудовая вахта в столовой начинается задолго до того, как появятся первые посетители. С раннего утра разжигается огонь в плитах, поварахи ворочают большие, тяжёлые кастрюли, начальник столовой ещё раз проверяет меню, сверяет его со списком продуктов. «Все по местам, все на посту. Ох-хо-хо, что-то Клавдия запаздывает, как бы не разболелась, ещё придётся срочно замену искать. Щи так щи. А капуста-то у нас маловато. Надо будет сегодня в подсобное хозяйство съездить, потолковать с интендантом. Он — мужик дельный, толковый, понимать должен, что ребят наших кормить надо по первому разряду. Им силы нужны... Так, Васильевна, погоди немного. Сейчас с этими бумагами закончу и накладными займёмся. Да знаю я, что машину быстрее надо отпустить. Знаю!»

Борис Павлович Синицын не первый год начальствовал над разными столовыми. Хозяйство это хлопотное, дел много, и все в разные стороны разбегаются, как тараканы. А вот тараканов Борис Павло-

вич в своей столовой не терпел. При обнаружении паразита в бой включался весь коллектив. Не годится советским морякам в антисанитарных условиях пищу принимать.

Так и хлопотал, суетился он круглый день, проверяя и перепроверя каждую мелочь. Немолодой и грузный, товарищ Синицын, тем не менее, обладал даром появляться в нескольких местах разом.

— Ты чего, Палыч, третий раз в кастрюлю смотришь? — сердилась повариха. — Нешто думаешь, я со вчерашнего дня готовить разучилась.

— Не ворчи, не ворчи, Степановна. Важное дело делаем. Военный народ кормим. А дело, оно внимания требует.

Борис Павлович гордился своим хозяйством. Он всегда с удовольствием смотрел, как моряки с аппетитом поглощали заботливо приготовленные блюда, и всё придумывал, как бы разнообразить меню, добавить в него мяса и свежих овощей побольше. «Молодые, здоровые, им надо сил набираться. Некоторые ещё растут, наверное». Он вспоминал своих сыновей — Ваньку и Стёпку, их светлые вихрастые головы, громкий смех, азартные споры обо всём на свете. «Выросли мальчишки. Выросли... Уже воюют». — Начальник столовой, словно испугавшись, оборвал мысль и торопливо вышел из кабинета.

Наступило время завтрака. Несколько фуражек и бескозырок уже висели на вешалках. В зале стоял негромкий гул голосов, пахло табачным дымом. Товарищ Синицын с облегчением здоровался с офицерами из знакомых экипажей, тревожно взглянул на два стола, которые остались пустыми. Он ещё раз внимательно посмотрел, как идёт раздача, как работают официантки, и украдкой прижал ладонь к животу. Беспокоила проклятушая язва. В лазарет надо бы зайти, да всё некогда.

Снова вернулся к рабочему столу. Переложил с места на место папку с накладными. Поморщился, закурил. Уже неделю Борис Павлович носил в кармане прямоугольный конверт с казённым обратным адресом, напечатанным на машинке, — похоронку на старшего сына. Носил и не решался отдать жене.

Супруга, и без того всегда худенькая и невысокая, за последний год сильно постарела, превратившись в сухонькую старушку. Она не жаловалась, но жадно читала «Краснофлотца» и все газеты, которые удавалось достать, а когда приходила почтальонша, смотрела на неё и с надеждой, и с затаённым ожиданием страшного удара. Побелевшая голова чуть заметно тряслась.

«Измучилась Лидочка. Молчит, не плачет, меня бережёт. Измучилась», — когда-то молодой повар и взглянуть стеснялся на строгую маленькую бухгалтершу, работавшую по соседству в большой кухне-комбинате. Он даже злился иногда на эту гордычку и задавал: «А вам, товарищ Синицын, для начала следовало бы выучить элементарные правила...» Выучил. И элементарные, и посложнее. Жизнь, она хорошо учит. Он и думать не смел, что эта сдержанная колючая девушка его выберет. А ведь выбрала. Двадцать три года прошло, будто один день.

Борис Павлович опустил руку в карман и снова коснулся конверта: «А может быть, ошибка? Вон у Федюхина тоже похоронка пришла на сына, а оказалось — живой. В госпитале, ранен, но живой. Вроде с документами что-то напутали... Может, и Ваня вернётся...»

— Товарищ начальник, товарищ начальник! — в двери показалось лицо завхоза. — Борис Павлович, машина с картошкой подошла. Разгружать надо. Кого поставим, в смене одни женщины.

— Иду, иду, Валерий Семёнович, сейчас всё организую. — Синицын быстро поднялся. — Место на складе освободили? Куда мешки ставить будем?

— Простите, Борис Павлович, вчера недосмотрел. А сегодня машина раньше пришла. Мы думали, успеем.

— Думали, думали... Всё самому надо проверять, всё самому. Запомните, Валерий Семёнович, наша работа безалаберности не терпит. Людей кормим, а им в бой идти.

Начальник столовой торопливо направился к разгрузочной площадке, и привычная, спасительная круговерть работы снова захватила его мысли.

* * *

Холодна вода в речке Ваенге. Даже июльское солнце не делает её теплее. Впрочем, и лето в этом году выдалось прохладное, пасмурное. Хорошо, хоть дождей почти нет.

Стынут руки в холодной воде, распухают суставы, но зато бельё становится чистым и свежим, уплывают с остатками мыльной пены последние следы крови, пота, земли. Людмила Федосовна с силой отжала нательную рубашу, встряхнула её и бросила в большое корыто. Прежде чем взять следующую вещь, она на минуту выпрямилась, разминая затёкшую спину, и посмотрела на девушек из банно-прачечного отряда, которые старательно полоскали в чистой воде нательное и постельное бельё, брюки, гимнастерки.

Какой нескончаемый поток вещей! Многие в крови. Некоторые в дырах от пуль и осколков. Их потом отдадут в швейные мастерские, часть возьмут на починку женщины, ждущие своих мужей с боевых заданий. Чистая, заштопанная одежда вернётся на вещевые склады и снова уйдёт в круговерть войны.

«Нелегко приходится девчатам. По двести пар белья в сутки, то в пару, то в ледяной воде. Тяжести таскают. А они ещё болтать успевают, пересмеиваются, по выходным в матросский клуб бегают. Даже в самодеятельности поют... Галочка у нас знатная певунья, как затынет, слёзы наворачиваются».

Людмила Федосовна подхватила из второго корыта следующую нательную рубашу: «Какая дыра во всю спину. Что ж с человеком-то сделалось». Мысли привычно обратились к любимому племяннику: «Как там наш Алёшенька. Пишет, что всё хорошо, воюют достойно. Да разве он скажет, если плохо. Разве будет нас волновать».

У самой Людмилы детей не было. Не довелось. Муж умер рано, доела его чахотка, выросшая на

угольной пыли и голодной молодости. Всю свою нежность женщина дарила младшей сестренке, а затем и любимому племяннику. «Орешек ты наш», — смеясь, говорила маленькому Лёше, крепенькому, смуглому от жаркого донецкого солнца.

Она жила в Заполярье седьмой год, приехала на заработки, да так и осталась. Со временем и сестренка Леночка с мужем подтянулись. Сергей на траловый флот устроился, Алёша в школу пошёл. Получили в Мурманске комнату в коммуналке. Потихоньку жизнь стала упорядочиваться, входить в колею. Людмила дивилась своему зятю, поменял степь на море, как будто всю жизнь рыбу ловил: «Как он там сейчас, в море? Под бомбами ведь ловят. Как Леночка в землянке перезимует. Хорошо, хоть что-то удалось найти на развалинах дома. Два одеяла вытащили, обгоревшие с краю, но ещё тёплые. Пальто. Надо бы к зиме валенки купить. Обязательно надо».

Сама Людмила Федосовна обитала в Верхней Ваенге, в небольшой комнатке на втором этаже одного из тех деревянных домов, которые выросли перед войной на Птичьей горе. Рядом был пожарный пруд, что немного успокаивало во время налётов, кое-где росли сосны и берёзы, глядя на которые охотно верилось, что совсем недавно первые переселенцы охотились здесь на глухарей.

Она очень хотела, чтобы сестра переехала к ней в тёплое жильё, но понимала, что Леночка не оставит мужа и будет дожидаться его из рейсов в сырой землянке.

— Тётя Людя, вы в клуб завтра пойдёте? — Невысокая смешливая прачка бросила в корыто отполосканные кальсоны.

— Аккуратнее, егоза. Выронишь — переполаскивать придётся.

«В клуб. Неудобно как-то. Вроде не старая ещё, а неудобно на танцы», — в клуб Людмила ходила только смотреть кино, которое очень любила и забывала обо всём, сидя в тёмном кинозале.

— Ну что, банная команда, поднажмём ещё немного. Сегодня почти всю норму выполнили.

— Есть поднажать, тетя Люд! — Одна из девушек шуточно приложила руку к голове, а остальные приснули.

«Девчонки, совсем девчонки». — Людмила Федосовна прополаскивала, отжимала, снова опускала красные распухшие руки в холодную воду. «Какие славные девчонки. Кончится война, вернётся Алёшенька, встретит хорошую девушку...» — Женщина представила маленького крепенького малыша, всего в складочках, который гулит и улыбается, почувствовала, как сладко и больно сжалось сердце: «Когда кончится война...»

* * *

У оленя нос мягкий. И рога на ощупь тоже мягкие и тёплые, покрытые густой короткой шёрсткой. Теперь Верочка знала это точно. Сегодня днём она, наконец набралась храбрости и попросила у бойца оленетранспортного батальона разрешения погладить серо-рыжего оленя, который стоял крайним

справа в упряжке, возле самых нарт. Она бы, конечно, хотела погладить ещё и крупного светлого жоака, но побоялась прикоснуться к такому большому зверю с раскидистыми рогами.

Ездовой оленевод, одетый в традиционную меховую одежду — печок, усмехнулся и позволил девушке приласкать и угостить одно из животных. Он давно уже не удивлялся тому любопытству, которое вызывали северные олени на аэродроме, особенно у женщин.

Оленетранспортный батальон подвозил к Ваенге-1 продовольствие, авиабомбы, прочие военные грузы. Не раз оленеводам — саамам и ненцам — приходилось искать в тундре подбитых лётчиков, согреть раненых, завернув в олени шкуры, и срочно доставлять в госпиталь.

Верочка немножко побаивалась зверей, таких непривычных и рогатых. Она второй год работала в столовой военного аэродрома, не раз бывала под бомбёжкой, не пугаясь обстрелов, помогала доставлять пищу в термосах лётчикам и техникам, которые находились на дежурстве, а вот оленей опасалась и собак тоже.

Работа была нелёгкой. Да где она лёгкая, во время войны! В лётной столовой ветер пробирался сквозь щели в дощатых стенах, посуды надо перемыть горы, помочь поварам воды наносить, овощи почистить. Жили девушки в землянках. Пол из досок, стены из досок, потолок из брёвен, три железных кровати с сетками, пара табуретов, тумбочка, лампа-коптилка и всё немудрёное имущество в скромных чемоданчиках под кроватями.

Правда, соседки Верочке достались хорошие — Вика и Танюшка. С ними и пошептаться можно было, посекретничать, и помечтать о той правильной, светлой жизни, которая настанет после Победы, и работать вместе, казалось, легче. Так же, неразлучной тройцей, успевали девушки сбежать в лазарет и госпиталь, навестить раненых с аэродрома, передать заботливо подготовленное лакомство.

Кроме землянок, около аэродрома стояли несколько крепких деревянных ящиков, в которых в Ваенгу из далёкой Англии доставили «харрикейны». Большую надёжную тару частично приспособили под жильё и служебные помещения. Вместе с самолётами на заполярную землю прибыли английские лётчики, передававшие технику советским пилотам. Верочка издали разглядывала иностранцев, одетых в непривычную форму, и прислушивалась к непонятной речи.

«Вернись домой и обязательно выучу язык, может быть, даже два. Буду преподавать в школе». — Девушка иногда представляла, как она, одетая в строгий синий костюм, входит в класс, говорит: «Здравствуйте, дети, садитесь». А потом рассказывает детям об истории нашей Родины, а может быть, о литературе. Вера ещё сама не определилась, что важнее, и на этом месте картинка становилась какой-то расплывчатой. Но уверенно выглядело другое — все ребята слушают внимательно, и даже хулиганы на задней парте сидят затаив дыхание.

Она скучала по дому. Там, в Петрозаводске, остались мама и две сестрёнки. Вера очень ждала писем и сама писала часто, старательно рассказывая про разные мелочи, про грустных рогатых оленей, злую пёструю собачонку, которая прибилась к эскадрилье, расспрашивая про папу, про одноклассников и, особенно, про вредного троечника Жорку, который сидел на предпоследней парте в третьем ряду.

Девушку удивляло, как отличается Ваенга от её родных краёв. Казалось бы, совсем недалеко, а нет здесь густого соснового леса, который шумит ветвями, словно океан, а есть настоящее море, студёное, воюющее, со скалистыми берегами, и есть тундра, такая плоская, уходящая за горизонт, что зимой напоминает белую пустыню. Верочка зачитывалась рассказами Джека Лондона, которые не раз брала в школьной библиотеке, и вот теперь ей часто казалось, что она попала в мир «белого безмолвия». И здесь живут и борются такие же смелые и сильные люди, как герои любимого писателя. Нет, даже лучше, потому что в книгах персонажи боролись за золото, а здесь настоящие герои защищают Родину.

— Вера, Верочка, опять замечталась. Смотри не порежесь! — Девушку вывел из задумчивости голос старшей из поварих.

— Не переживайте, Ольга Дмитриевна. Я аккуратно. Я умею. — Вера посмотрела на большую кастрюлю с чищенной картошкой, на грязный опустевший мешок. — Мне совсем мало осталось.

— Ну, давай, доделывай и передохни чуток. Сегодня ночью работать будем.

Когда Верочка вышла из кухни в зал лётной столовой, она сразу увидела соседку Вику, которая, сгорбившись, сидела за одним из столов и смотрела в какую-то газету.

— Викуся, что с тобой? — Девушка осеклась, заметив слёзы в глазах подруги. — Что ты прочитала?

— Перечитала, Вера. Перечитала. Вот, попался номер «Краснофлотца» старый, ещё июньский... Помнишь, как писали, что Бориса Феоктистовичу второй раз присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. Понимаешь, Верочка, звание присвоено, а его уже нет. И никогда не будет!

— Понимаю, Вика. Понимаю, — горько вздохнула Вера.

Бориса Феоктистовича Сафонова, командира Второго гвардейского авиационного полка, любили и глубоко уважали на всём Северном флоте. Его гибель в воздушном бою в мае этого года потрясла многих и многих, это было личное горе.

— Пойдём, Викуся. Пойдём. — Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. — Надо чуть-чуть отдохнуть. Ночью полёты.

Газетные листы сиротливо и горько белели на чистых досках стола.

* * *

«Дурень кособокий! Пень злосчастный! — Максим клял себя последними словами. Угораздило же разболеться, да в такое время, когда на работе каж-дые руки на счету. — Другие на фронте! Другие на ко-

раблях в бой уходят! А я. Здесь. В тылу, как малахольный, со стариками и бабами! То есть с товарищами женщинами. А, один чёрт!»

Самым гадким днём своей жизни Максим считал тот, когда, работая на высоте второго этажа, он поскользнулся на влажном стропиле. Вот, казалось бы, не новичок, уже несколько зданий построено, а тут один миг, один малюсенький неловкий шаг — и всё, подошва сапога только скрипнула.

Левая нога хоть и срослась, но теперь была короче правой. Работать можно было, но что до всего другого... Когда началась война, Максим Коваленко, вместе с другими комсомольцами, ринулся в военкомат. Он кричал, горячился, однажды чуть не стукнул кулаком по столу комиссара, доказывая, что воевать может не хуже других. Ему строго сказали взять себя в руки и вести, как подобает представителю советской молодёжи, анархию не разводить, а дел на всех хватит.

Бывший беспризорник, бывший детдомовец, выпускник школы фабрично-заводского ученичества — Максим приехал в Ваенгу из Харькова по комсомольскому набору. Долго тарахтел вдоль берега длинного морского залива старый бот. Наконец сошли на деревянном причале. Огляделись. Здесь всё было внове. Покатые каменистые холмы, покрытые невысокими соснами и гнутыми, словно перекрученными, рябинами. Позже он узнает, что эти холмы называют сопками. Холодный ветер в мае, истошные вопли здоровенных чаек. Недалеко от подножия холма выстроились ряды палаток.

Отбор отдела кадров военно-строительного управления и медицинскую комиссию Максим прошел успешно. «Ну, что ж, товарищ Коваленко, вот вам направление. Обустроивайтесь. Досок мы вам с товарищами выделим. В пределах нормы. Талоны на питание получите. И включайтесь в работу. Нам сознательные комсомольцы очень нужны».

Обустроились вновь прибывшие на склоне уже знакомой сопки. Точнее, в склоне. Вырыли землянку, укрепили досками потолок, стены, утоптали землянную пол. Когда печка-«буржуйка» первый раз накалилась, согревая сырой, пахнущий землёй и мхом воздух, потеплело на сердце. «Порядок, ребята, жить будем!»

Жизнь в Ваенге кипела. Посёлок строился быстро и жадно, словно торопясь выполнить очень важное задание. Вытягивались причалы, росли деревянные здания, поднялись два первых каменных дома... Из бросовых досок ребята сколотили деревянную эстраду, и летними вечерами зазвучали, отражаясь от сопки и волн, «Катюша» и «Вечер на реиде».

Максим вспомнил, как, сидя на деревянном ящике, смотрел спектакль «Любовь Яровая», старательно подготовленный самодеятельными артистами, вздохнул и вдруг зашёлся тяжёлым, надрывным кашлем. «Вот, чёрт, привязалась болячка треклятая!» — взял алюминиевую кружку, стоявшую на маленьком самодельном столе, глотнул воды и вновь прилёг на койку. Ватная телогрейка понемногу согревала, дышать стало легче: «В баню бы сейчас, пропариться».

Сквозь щели по периметру немного покосившейся двери пробивался сероватый свет прохладного северного лета. Максим долго смотрел на эти тоненькие яркие полоски, в горле горело, а голову словно наполнял басовитый комариный звон, переходящий в визг пикирующих самолётов.

«А прав был военный комиссар. Дел всем хватило. Как война началась, строили и строили. Работали, как в бой шли. — Он зло скривился, припомнив, как вражеская бомба разнесла только-только законченный склад. — Ничего, мы его снова сложили. Крепче. Ничего у вас не выйдет!».

Работы и впрямь было много. Военные строители споро восстанавливали разрушенное, возводили инженерные сооружения рубежей задымления, дизельную электростанцию, запасную телеграфную станцию, помогали оборудовать артиллерийские огневые позиции.

Максим усмехнулся невесело. Когда доделывали телеграфную станцию, девчата-телефонистки начали спешно обустроивать рабочие места, не дожидаясь полного окончания строительства. Была среди них одна — рыженькая, смешливая. Молодой рабочий посматривал на неё исподволь, любовался, злился: «Куда мне, инвалиду колченогому».

Снова кашель. Максим опять глотнул воды, выпил горький порошок, выданный ему фельдшером в лазарете, откинулся на жёсткую подушку, набитую ветошью.

Мысли в голове ворочаются медленные, тяжёлые. Полоски света беспокоят, притягивают взгляд: «Да что я лежу как дезертир. Ребята вкальвают, а я тут разлётся! Себя жалею. Разнюнился! Дождь пойдёт, зальёт землянку, будем по грязи хлюпать. Петлю подтянуть. Накладки бы обновить. Обтрепались по краю. Дранный валенок сгодится. Хотя... стельки бы сделать, да ладно. Сгодится». Он полежал немного, прикрыв глаза, потом сел, застегнул телогрейку на все пуговицы и медленно потянулся за ящиком с инструментами, который стоял под панцирной сеткой кроватки: «Поработая — пропотею, считай, баня будет. Мы ещё посмотрим, чья возьмёт!»

* * *

Доктору повезло. Не успела она подняться на плоскую вершину сопки, отделяющую Грязную Губу от Ваенги, как рядом затарахтела попутка. Шофёр притормозил и согласился подбросить до посёлка.

Сидя среди мешков и ящиков, Зоя Леонидовна вытянула ноги, гудевшие после долгого дня, заполненного обходами, перевязками и операциями, и мысленно перебирала события минувшего дежурства, анализируя и оценивая свои действия. Полуторка начала длинный спуск, объезжая по нисходящей дуге губу Варламова. Через несколько километров водитель повернул налево к Верхней Ваенге и остановился.

— Приехали, гражданочка. Дальше не по пути будет.

— Ничего, дальше я сама. Спасибо вам большое!

— Не за что, чего уж там.